

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д31

Оформление серии *А. Дурасова*

Редактор серии *А. Антонова*

Демченко, Алла Анатольевна.
Д31 Горький привкус счастья / Алла Демченко. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Остросюжетный семейный роман).

ISBN 978-5-04-101769-9

Талантливый врач Саша Андреева никогда не задумывалась, из каких миров приходят к ней видения о прошлом ее пациентов и куда потом они уходят. Она всего лишь вестник тех людей, кто покинул этот мир, не успев окончить последнее земное дело...

Но в ее жизни наступила сплошная «полоса невезения». Неприятности на работе, полная безнадёга в личной жизни. Саша была готова уехать в Германию. Но чужая беда перечеркивает радужные планы. В ее палате медленно умирает успешный адвокат Роман Лагунов. А два года назад под колесами его автомобиля погибла женщина, которая постоянно появляется в видениях Саши и просит передать одну просьбу своей дочери. Саша понимает, что, решив эту задачу, она поможет не только Лагунову, но и себе. Ведь ее любовь тоже рядом, только протяни руку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101769-9

© Демченко А.А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Мелкий дождь, предвестник скорой осени, моросил с утра. К полудню небо заволокли тяжелые серые тучи. Машины еле ползли, блестя включенными фарами, готовые в любой момент намертво застыть в часовой пробке.

Красникова, как любого нормального водителя, заторы напрягали. Только он старался воспринимать их философски, как что-то неизбежное и само собой разумеющееся. Каждодневная суета требовала прерыва, пусть даже в такой принудительной форме, как пробки. В такие минуты вынужденного безделья он отпускал бесконтрольно мысли, включал громче музыку и предавался мечтаниям.

Но сегодня, набрав скорость и матерясь в душе, он вел себя на трассе по-хамски, боясь застрять в пробке. Красникову стало глубоко наплевать на сигналы и неслышную брань за закрытыми окнами. Он опаздывал на встречу, где решался вопрос: «Быть

АЛЛА ДЕМЧЕНКО

или не быть». Никакой шекспировской философии в этом не было. Вопрос жизни и смерти, пусть и отдаленной, касался лично его, Максима Валентиновича Красникова.

Телефон, брошенный на сиденье, задребезжал. Боковым зрением, следя за дорогой, Красников увидел въевшийся в память номер.

— Да еду я! Еду!

Он нажал на газ и вильнул в средний ряд прямо перед носом старого «Москвича». Водитель, видать, не привыкший к такой беспардонности, зло посигналил.

Через десять минут он приткнул свой джип в тихой улочке. Воровато осмотрелся по сторонам и перешел дорогу.

Мужчина, внимательно наблюдавший за Красниковым, презрительно улыбнулся.

— Вы опоздали.

Красников молча кивнул на приветствие и сел рядом с водителем, не реагируя на замечание. С этого момента осталось пережить несколько минут. Встречи с Барковым были короткими, но за это время успевал разрушиться триллион нервных клеток. Сколько клеток вмещается в понятие триллион, Красников не знал. Только после каждой такой встречи он долго приходил в себя. В смерть нервных клеток приходилось верить не понаслышке.

Максим Валентинович, пока водитель не вышел из машины, замороженно наблюдал за прохожими. Из невзрачного офиса выбежали хохочущие девушки.

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС СЧАСТЬЯ

ки. Старушка вела плачущего внука. У маленького человечка было свое маленькое горе. Ему до слез захотелось оказаться в этой разношерстной толпе.

— Как дела? Интересующую информацию, надеюсь, теперь мы сможем получить?

Скрипучий голос донесся с заднего сиденья и вернул Красникова в неотвратимую реальность.

— «Жучок» прикрепил. В конференц-зале, — уточнил на всякий случай Красников и тут же почувствовал допущенную оплошность. Он старался не смотреть в глаза Баркову, но по тому, как тот хмыкнул, неприятный холодок пробежал по спине.

Никакого указания насчет конференц-зала ему, естественно, никто не давал. Но это здесь, сидя в машине, легко рассуждать, где место «жучка». На самом деле он даже не помышлял о том, чтобы маленькое устройство, похожее на фасоль, с торчащими усиками-антеннами, прикрепить в кабинете генерального директора банка.

— Документов у меня нет. Пока нет, — исправился Красников. — Но я этот вопрос решу в ближайшее время.

Обещание прозвучало излишне заискивающее. Для полноты картины недоставало только шмыгнуть носом. Красников незаметно посмотрел на часы.

— Знаете, Максим, как говорят: «Плохому танцору...», — вздохнул собеседник. Вы не забыли, на каких условиях погасили свой долг? Надеюсь, вы меня правильно понимаете?

АЛЛА ДЕМЧЕНКО

— Я все сделаю. Все, как договаривались. — Красников выговорил обещание на одном дыхании.

— Самый крайний срок — две недели. Иначе...

Что могло последовать после «иначе», Красников и сам знал не хуже Баркова. И были это вовсе не пустые угрозы.

— Уж постарайтесь. И обратитесь к Дорохову. Прислушайтесь к моему совету. Удачи вам, Максим Валентинович.

Встреча подошла к концу. Триллион клеток разрушился. Жизнь укоротилась на несколько минут. Красников, не смотря под ноги, опустил свои дорожные туфли в грязную лужу и, чертыхнувшись в душе, не прощаясь, хлопнул дверью. Втянув шею в ворот кашемирового пальто, он быстро зашагал обратно к своей машине. Чувство облегчения постепенно сменялось безмерной ненавистью.

Эта ненависть имела десятилетний стаж и направлялась на одного человека — Павла Стрельникова.

* * *

В гостинной непривычно пахло валерьяной и пуштырником.

— Давление сто пятьдесят на сто.

Саша привычным движением сжала в руке манжетку. Воздух с шипением вырвался наружу. Стрелка тонометра последний раз метнулась по шкале и замерла на отметке «ноль».

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС СЧАСТЬЯ

— Софья Петровна, бросайте курить. Это я вам говорю как врач. И доживете до ста лет.

Последнюю фразу она произнесла неестественно заученно, скорее по привычке, не вкладывая никакого особого смысла, ибо и сама не находила этого смысла в таком долголетии. Что хорошего в дряхлости и ненужности, особенно когда ушли близкие и родные люди? Разве это жизнь? Только человек — такое существо, что всеми силами цепляется за эту жизнь. Пусть и дряхлую.

— Это, Сашенька, только в молодости кажется, что жить до ста интересно. — Софья Петровна спрятала под плед сухонькую руку. — Хотя жить хочется. Показалось — умираю. Страшно стало, как последней грешнице. Вот всполошила тебя и Пашу. А раз, по твоим прогнозам, еще буду жить, то пойдем пить чай, — прокуренный голос заметно ожил.

— Софья Петровна, вам лежать надо. У меня сегодня машина служебная. Не могу задерживать. Так что чай отложим до следующего раза, а вот лекарство — сейчас выпишу.

Саше нравился этот старый дом и такая же старая хозяйка. И чай здесь она пила с удовольствием.

Софья Петровна в качестве пациентки досталась ей по наследству от деда. Впервые она оказалась в этом доме незадолго до его смерти. Считай, два года. Они втроем сидели в гостиной, пили чай, а потом приехал... Павел Стрельников. И ее спокойная, размеренная жизнь бесповоротно окончилась.

АЛЛА ДЕМЧЕНКО

Через полгода Дмитрий Константинович умер. Как бы она справилась в одиночку с обрушившимся горем, если б не Софья Петровна и бывший однокурсник Степанков?

За окном под колесами машины прошуршал гравий. Хлопнула дверь машины. Встретаться со Стрельниковым не хотелось. Она быстро дописала рецепт, отчего почерк, и без того неразборчивый, превратился в сплошные закавычки. Зачем ей эта встреча?

— Софья! Ты жива?

Голос Стрельникова доносился из прихожей. Было слышно, как он на ходу бросил пальто на телефонный столик.

— Жива. Станет с меня.

— Может, ей в больницу? — Стрельников кивнул Саше в знак приветствия и выжидаяще посмотрел куда-то мимо нее.

— Все в порядке. В больницу ехать нет смысла. Лекарство принимать ежедневно — обязательно.

Чтобы не тарашиться на Стрельникова, Саша опустила глаза в свою спасительную сумку в поисках рецепта.

— Я думала сама купить таблетки, но раз ты здесь — вот, держи. — Саша протянула рецепт. — Как принимать, я написала. Софье Петровне поменьше волноваться надо... из-за Васьки.

Непонятная, почти забытая дрожь пробежала по всему телу. Все произошло мгновенно, помимо ее воли. Видение появилось внезапно и длилось всего несколько секунд.

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС СЧАСТЬЯ

Стрельников смотрел на Сашу, то ли ожидал продолжения истории с котом, то ли дальнейших предписаний по поводу лечения. Так он смотрел на нее всегда: золотая оправа модных очков направлена в глаза, а взгляд фокусируется мимо, где-то на макушке. Ей каждый раз приходила глупая мысль — стать на цыпочки, чтобы посмотреть ему в глаза.

После таких встреч настроение у нее пропадало на несколько дней, приходила бессонница, от которой утром появлялись круги под глазами.

— Да Васька, будь он неладный, застрял утром в трубе возле Горских. Сколько раз просила засыпать вход. Васька орал на весь поселок. Хорошо, Горские были дома. Иван еле вытянул. И чего он туда полез? Может, мышь учуял? — Софья Петровна, буднично говоря об утреннем происшествии, присела на диване.

— Кормить надо меньше. Васька твой на кота уже не похож.

Тревога отступила. И дурные предчувствия, не покидавшие Стрельникова последние дни, показались теперь простой надуманностью.

— Саша, ты сама-то как? Все нормально? Хотя бы звонила.

Когда звонить и по какому поводу, Стрельников не стал уточнять. А можно звонить без повода?

Саша закрыла сумку, стянув ее на кожаную бечевку, отчего сумка стала похожей на баул. Где его научили так задавать вопросы, что все ответы, даже самые правильные, были неуместны? Что ему отве-

АЛЛА ДЕМЧЕНКО

тить? Все, как прежде. Все нормально. Плохо и будет несколько дней еще хуже. Потом пройдет.

От мысли, что Стрельников все поймет, Саше стало жарко, и лицо предательски покраснело. Хорошо, если б просто покраснело, а то ведь пошло пятнами. Если б она написала рецепт раньше и не засиживалась с Софьей, то не попала б в глупую ситуацию, а так...

Спасение пришло неожиданно.

— Познакомьтесь. — Стрельников направился к двери и, как ей показалось, нежно подтолкнул женщину в гостиную. — Это... Это... Лера.

Золотая оправка случайно сфокусировалась неправильно. Вместо макушки взгляд Стрельникова уперся в Сашины глаза. Он растерялся. Надо было добавить, что Лера — его невеста.

Павел собирался представить Софье Леру по всем правилам, с полным набором правильных слов. Но теперь правильные слова не ложились на язык. Все до одного.

Как представить Леру Саше, он тоже не знал. Слово «невеста» показалось ему вдруг неправильным.

Кто такая Саша, он не стал объяснять спутнице. Он и сам никогда не думал об этом. Она была в их с Софьей жизни, и без нее они никак. Он редко ее видел в этом доме, но знал, что она навещает Софью, может, чаще, чем он.

В гостиной повисла минутная тишина.

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС СЧАСТЬЯ

Лера оценивающе посмотрела на Сашу и, не найдя ничего, что особо можно оценить, снисходительно кивнула. Она всегда так смотрела, интуитивно разделяя всех женщин на две категории: соперница и не соперница. Эта непонятно от чего смутившаяся Саша как-то сразу оказалась в списке «не соперница». Все в Александре было обычное: средний рост, короткая стрижка, чуть лишняя полнота, ноги как ноги, черты лица не броские. Далекое не красавица. И только выразительные темные глаза смотрели пронзительно. Такой не солжешь. Но именно такой взгляд делал «не соперницу» старше и мудрее своего возраста. Но разве мужчины ценят глаза, наполненные мудростью?

Потеряв всякий интерес к Саше, Лера направилась к Софье Петровне. Радушная улыбка, мелькнувшая на ярких губах, успела смягчить черты недовольного лица.

— Саша, подожди, я тебя проведу.

Стрельников помогал Лере снять короткое пальто. И было непонятно, где его теперь ждать — то ли в прихожей, то ли на крыльце. Если б она тогда быстрее выписала назначение...

— Сколько раз я тебе говорила, пусть Софью Петровну посмотрит профессор Ильин!

Лера догнала Стрельникова в коридоре. Говорила она нарочито громко, чтобы Саша непременно услышала и обиделась. Подумаешь, глаза у нее мудрые!

АЛЛА ДЕМЧЕНКО

— Сам знаешь, толку от этих участковых никакого. После таких консультаций завтра опять будем тащиться сюда!

— Лера, прекрати. Главное — Софья в порядке. А Саша... Она...

Слышать перебранку было неприятно и унижительно. Саша быстро вышла на крыльцо. Возле машины курил водитель.

— Александра Ивановна, домой или в больницу? — Кузьмич сделал последнюю затяжку и, не найдя, куда бросить окурочек, неохотно положил его в дорожную пепельницу.

— Домой!

Провести ее до машины Стрельников так и не успел. Он вышел из дома, когда машина уже выехала со двора, мелькнув красным крестом.

— Это родственники приехали или как? Женщина, скажу вам, как в кино!

— Кузьмич, ты бы за дорогой следил!

— Да слежу, слежу...

Машина, дребезжа всеми внутренностями, подсакивала на каждой выбоине, оставляя позади проселочную дорогу.

— Ты смотри, как дорогу разбили! Асфальт лучше объезжать по обочине, — хохотнул Кузьмич, оставшись довольным своим замечанием.

Что дорога плохая, Кузьмич догадывался, но чтобы вот так разбилась за пару лет, он и не предполагал. Конечно, он мог бы и не ехать в такую даль, не его это дело — обслуживать загородные вызовы, но

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС СЧАСТЬЯ

отказать Александре не мог. Ведь поехала б, как пить дать, на своей «коробчонке». А разве то машина? Так, одно название.

Маленькую желтую «Матиз», похожую на разьевшегося жука, Кузьмич шутливо прозвал «коробчонкой». Прозвище к машине, как к человеку, прилипло сразу. Поначалу Саша даже сердилась на Кузьмича, но со временем и сама иначе как «коробчонкой» машину не называла.

— Александра Ивановна, а он ничего, да? Нам подходит! А машину заметила? Вот это машина, скажу тебе!

— Кузьмич, не фантазируй! Ладно, машину ты рассмотрел. Верю. Но как ты его мог рассмотреть в темноте за минуту и определить сразу, что он нам подходит? — Слово «нам» Саша произнесла с нажимом, уже догадываясь, о чем будет разговор.

— Ну, во-первых, двор освещен. Во-вторых, знаешь, сколько он свою модель обхаживал? Пока та ноги выставила, пока руку подала, попой повертела. Эх, жаль, ты не видела. А вообще, Александра Ивановна, я тебе скажу так, нашего брата определить несложно. Просто... Ай, не умею я грамотно все эти премудрости житейские объяснить. Ты посмотри! Ямка на ямке! Летают они, что ли, в этот поселок? Ведь что интересно — люди не бедные живут, а дорогу так запустили!

Машину в очередной раз подбросило на кочке. Кузьмич сочно чертыхнулся, но уже через минуту продолжил свою теорию определения настоящего